

ПЕРЕВЕРНЕТ ВАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИСКУССТВЕ

Эрин Мосс

ТВОИ КРАСКИ

Эрин Мосс

Твои краски. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26107215

ISBN 9785448569746

Аннотация

Краски. Кисти. Мольберт. Три основных составляющих, которые стали неотъемлемой частью сюжета, важной частичкой души главной героини. На открытии выставки все шло спокойно. Невкусное шампанское, скучные собеседники, пока она не встречает того самого мистера Руиса, который на протяжении года инкогнито заказывал ее работы. Джессика и предполагать не могла, как эта неожиданная встреча перевернет ее размеренную спокойную жизнь.

Содержание

Благодарность	7
ooo	8
Пролог	9
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	62
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Твои краски

Книга 1

Эрин Мосс

Редактор Оксана Кыштымова

Корректор Оксана Кыштымова

Дизайнер обложки Ирина Семичева

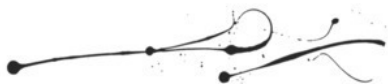
© Эрин Мосс, 2021

© Ирина Семичева, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4485-6974-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭРИН МОСС

Трилогия
«Обманутые искусством»

ТВОИ КРАСКИ
искусство требует жертв

МОИ ГРАНИ
перешедшая черту

НАШИ ТЕНИ
под контролем иллюзии

Благодарность

В первую очередь благодарю мою мамочку, моего самого главного и честного критика. Твои слова на вес золота.

Спасибо моему любимому мужу Максиму, за бесконечное количество кружек горячего кофе, за его поддержку во времена творческих кризисов. Спасибо тебе, родной, что веришь в меня.

Искреннее спасибо моим девочкам – Алене и Даше, которые с нетерпением ждали каждую новую главу книги.

Безграничное спасибо моему редактору и корректору Оксане. Без твоей заинтересованности и поддержки книга никогда не была бы издана.

С особой благодарностью к Наташе Лукиной – за наш первый опыт начинающих писателей!

Спасибо всем-всем-всем, кто верил в меня, кто с нетерпением вместе со мной ждал выхода книги, кто остается со мной до сих пор – спасибо! Если бы не ваша помощь и поддержка, «Твои краски» так и остались бы просто – черновиком...

Я вас бесконечно люблю.

*Моя жизнь – это искусство,
А все остальное лишь прах.
Мы пишем картины искусно
И подавляем свой страх.*

Пролог

Масло пахнет медом. Я аккуратно макаю кисть в кровавый цвет на палитре бумаги и делаю последний штрих на моем бордово-сиреневом закате над океаном. Картина полностью отражает мое внутреннее состояние.

Пустота. Безразличие. Лень.

Я награждаю себя тенью улыбки и подношу палитру к лицу, вдыхаю этот божественный аромат масла. Иногда я чувствую себя настоящим наркоманом, так сильно я люблю этот запах.

Завтра важный день. Нужно хоть немного подготовить речь, но мне настолько все безразлично, что стояла бы вот так весь день и до вечера, посреди студии. В окружении красок, кистей, бумаги и себя.

Почти насильно заставляю себя закрыть тюбики с маслом и снять фартук, который подарила мама на восемнадцатилетие. Убираю все кисти в банку с раствором и делаю что-то похожее на порядок на рабочем столе. На самом деле, я никогда здесь не убираюсь. Здесь все мое. Мой отдельный мир. Только здесь я могу спрятаться.

Кинув взгляд на полотно, я удостоверяюсь, что картина с моим кровавым закатом заказчику определенно понравится. Он много раз заказывал у меня пейзажи, хотя вживую я никогда его не видела. Он все делает через агента Софию.

На этот раз сказал, что писать нужно не что-то определенное, а по состоянию души.

Завтра, скорее всего, София будет на выставке, именно той, на которую мне так не хочется идти. Странно. Я готовилась к ней два года, и, вот, когда время подошло, мне вдруг на нее абсолютно все равно.

Глава 1

Я резко поднимаю голову с подушки. Сколько времени?! Я проспала?! Бросаю взгляд на будильник – 11:30. Вот черт! Полчаса до открытия моей выставки!

Вскакиваю с кровати и бегу в душ. За несколько минут я наскоро мою голову, чищу зубы и вытираю как можно суше волосы. Надеваю своё красное платье с огромнейшим вырезом сзади, оставляющим открытой спину. Смотрю в зеркало. Да. Именно в этом самом платье я в последний раз видела его.

Сегодня точно не буду о нем думать! Бью себя по щекам, чтобы отогнать нахлынувшие мысли. Крашу ресницы, на этот раз никаких теней. На губы наношу бордовую, ближе к сиреневому оттенку, помаду. В точности как мой закат. Расчесываю влажные волосы, из-за чего они становятся идеально гладкими.

Смотрю в отражение и понимаю, что не узнаю себя совсем. Белокурые длинные волосы, до поясницы, и карие, блестящие, как мед светящиеся глаза. Точеная фигура, маленькие черты лица. Все вроде идеально, но это далеко не так. Я никогда себя не считала красивой, никогда. Мама всегда настаивала, чтобы я участвовала в различных конкурсах красоты, подрабатывала моделью, или пошла в команду поддержки в школе. Слава богу, школу я закончила уже давно и те-

перь имею полное право заниматься тем, что действительно люблю.

Одергиваю себя от мыслей и вызываю такси. Беру клатч и запихиваю в него телефон, ключи и сотню долларов, ту самую, которая у меня осталась на месяц. Если я сегодня ничего не продам, я точно умру от голода. Может быть, поэтому все знакомые говорят, что я стройная и худенькая, весь секрет в том, чтобы поменьше есть, особенно когда нет денег?

Выбегаю из дома и, пока жду такси, набираю номер своего агента, которого наняла на один день.

– Джессика! Вы хоть в курсе, сколько времени? – чересчур недовольный голос Сары меня взбудоражил. – Вы должны быть здесь уже через пятнадцать минут! Почти все гости пришли, а вас нет! Что я должна сказать?! Что вы не...

– Успокойся, Сара, – одернула я ее. – Я буду через десять минут, а для гостей придумай, что сказать. В конце концов, я деньги плачу тебе за работу.

Я отключаю звонок. Зачем вообще позвонила? Чтобы накричали? Итак, нервы ни к черту. Подъезжает такси и водитель окидывает меня чересчур долгим взглядом. Плевать. Сажусь в машину и называю адрес.

Гостей и впрямь очень много. Возле трехэтажного здания, окрашенного в кремовый цвет, собрались люди. Женщины, все как одна, в вечерних платьях, мужчины – в черных смокингах, и им всем на первый взгляд больше пятидесяти лет. От сердца сразу отлегло – нет никого моего возраста, или же

я плохо разглядела толпу.

Такси объезжает здание и останавливается возле задней двери. Сую сотню таксисту, терпеливо жду сдачи и выбегаю из машины. Смотрю на телефон, время 12:05. Это нехорошо. Не люблю опаздывать.

Бегу мимо выставочного зала, где на стенах развешаны мои работы. Людей нет. Все ждут в другой части здания. Милые официанты около входа переминаются с ноги на ногу, рассматривая шампанское на своих подносах, но при виде меня оживают и улыбаются. Одариваю их в ответ мимолетной улыбкой и останавливаюсь перед красным занавесом, который отгораживает выставочную часть зала от главного холла.

Слышу, как Сара оживленно рассказывает про жизнь Моне. Придумала же, чем отвлечь. Я улыбаюсь про себя и набираю в легкие воздуха.

Я ждала этого два года. Мне все равно. Но я готова.

Аккуратно, чтобы не открыть больше, чем положено, я отодвигаю занавес и уверенно иду к своему впечатлительному ассистенту. Улыбаюсь толпе людей и ловлю себя на мысли что ищу... его? Может быть, хватит? Уже полгода как расстались, зачем беречь рану? Отбрасываю прочь мысли о нем и подхожу к агенту. Легонько толкаю в плечо Сару, и от моего вида девушка обрывает речь и смотрит на меня так, будто у меня рога выросли. Взглядом показываю ей, чтобы объяв-

ляла меня.

– Кхм... прошу прощения, – Сара поворачивается к толпе. – Леди и джентльмены, с гордостью представляю вам автора выставки «Твои краски» – Джессику Уильямс!

Девушка передает микрофон и аплодирует. Неожиданно все большое пространство зала взрывается аплодисментами. Становится тепло на душе, и чувство, что я наконец-то закончила то, над чем работала долгое время, заполняет сердце. Это дорогого стоит.

Беру микрофон и улыбаюсь восторженной толпе гостей.

– Спасибо, Сара, – поправляю волосы и начинаю нервничать, – Спасибо всем, кто сегодня пришел, для меня огромная честь представлять уже третью свою официальную выставку!

Зал опять провожает мои слова аплодисментами, а я делаю паузу.

– Я готовилась к этому событию два года, за это время многое произошло, – ухмыляюсь при мимолетном воспоминании об этих двух годах. – Я попыталась выложиться по максимуму в каждой работе, очень надеюсь, вы это оцените. В работах так же...

Меня прерывает знакомый голос:

– Джессика! – София тянет руку, чтобы задать вопрос. – Почему название выставки «Твои краски»? Вы кому-то посвятили эту выставку?

– Э-э, да... Конечно. Она посвящена всем людям, которые

были со мной на протяжении этого времени, – тут я не погрешила с истиной, вспомнив три работы, те, которые написала специально для него, после нашего разрыва.

– В первую очередь выставка посвящена моей маме, которая, к сожалению, не смогла прилететь из Ванкувера, но я очень надеюсь, что она ее увидит, – я улыбаюсь Софии и думаю, что нужно заканчивать мою неподготовленную речь. – Еще раз благодарю всех, кто пришел. Шампанское и закуски будут в зале, по всем вопросам о покупке работ обращаться к этой милой девушке, – я оборачиваюсь. – Моему агенту Саре. Спасибо.

Отдаю микрофон перепуганной девушке и выдыхаю. Самое сложное позади. По обеим сторонам от красного занавеса парни-официанты скидывают ткань и быстро сворачивают её. Повторными аплодисментами гостей заполняется холл, и я чувствую некоторую гордость за себя.

Третья выставка. Два года. Сколько усилий... Столько эмоций сейчас висит в этом выставочном зале, что страшно представить. В каждую работу я вкладывалась на все сто процентов, поэтому неудивительно, что вчера я чувствовала отрешенность и безразличие при одной только мысли о выставке. Я себя исчерпала.

Толпа людей медленно продвигалась все дальше и дальше, в глубь зала. Стоя сбоку от входа в зал, я приветствовала гостей, улыбаясь всем этим незнакомым людям. И все равно была надежда на то, что вот-вот именно из-за спины этого

седого мужчины выйдет он и скажет о том, какой он дурак... Но его все не было, а приток гостей заканчивался. Когда уже все, наконец, зашли в зал, тогда я поняла, что он сегодня не придет.

Шампанское слишком терпкое, сделав один глоток, ставлю бокал на поднос официанту, тот учтиво кивает и исчезает.

– Тем более сильно стали распространены копии! Возьмем даже Париж, – еще минуту и я не выдержу этого нудного разговора с местным критиком. – Там сплошь и рядом везде копии! Просто возмутительно! – седой, внушительных размеров мужчина жестикулировал руками и, по-моему, допивал четвертый бокал шампанского. – Поэтому я вам говорю, Джессика, когда-нибудь и ваши работы будут копировать, поэтому труд художника совершенно напрасен!

– Спасибо, мистер Голдмен! Я вас услышала! – стараюсь оборвать этот пьяный бред, но в глубине души его слова меня задели.

Николас Голдмен – местный критик Портленда. В высших кругах его не особо жалуют, но посещать мелкие выставки, такие как мои, например, он очень любит. Мне грех на него жаловаться. Полгода назад была моя вторая выставка, на которой было намного меньше работ, нежели на этой. Тогда мистер Голдмен приобрел две моих самых дорогих картины, чем меня очень выручил. Я тогда копила на квартиру и день-

ги мне пришлись весьма кстати.

– Прошу прощения, мне придется вас оставить, мистер Голдмен.

– Ох, дорогая мисс Уильямс, запомните мои слова, – вкрадчиво, с иронией произнес критик и как-то странно посмотрел на меня.

Я не задерживаю на нем взгляд и поспешно удаляюсь в ту часть зала, где меньше людей. Мне нужно пространство и уединение, но в помещении, где свыше ста человек, я этого не получу, поэтому делаю вид, что внимательно изучаю свой натюрморт с цветами, и углубляюсь в мысли.

На душе мерзко. Как он мог не прийти?! Он же знал, как я готовлюсь к этому дню. От этой мысли становится горько во рту. Еще этого не хватало! Плакать я точно не буду! Тем более на *моем* мероприятии. Чувствую себя брошенным щенком, от которого отказались хозяева. Брошенный и преданный.

Помню все, будто это было вчера. Его слова: «Я устал от нас. Больше так продолжаться не может...». Как продолжаться? У нас все было не просто хорошо, у нас были идеальные отношения, такие снимают в голливудских мелодрамах или пишут в слишком хороших романах.

Я – художник, он – фотограф. Мои снимки были везде в нашей съемной квартире. На стенах были в основном коллажи, попадались снимки, где мы были вдвоем, но в основном это была я. Спящая, радостная, грустная, веселая, злая.

Снимки полностью отражали меня такой, какая я есть. Над кроватью висел мой портрет, огромный, черно-белый. Он никогда мне не нравился.

...Помню, как внезапно мы решили поехать на побережье, где стоит заброшенный маяк. Была пасмурная погода, и обещали шторм. Дул сильный холодный ветер и волны с силой разбивались о скалистый берег, превращаясь в пену. Он стал меня в очередной раз фотографировать, внезапно, без предупреждения, что всегда жутко раздражало меня. Отступив от него на несколько шагов назад, я начала смеяться, сама не зная почему... наверное, от счастья. Он опустил фотоаппарат и его голубые глаза светились нежностью, он с улыбкой произнес: «Я люблю тебя, Джесс...».

На меня небо упало в тот момент. Я осознавала, но не верила своим ушам, что он действительно сказал это мне в первый раз после года отношений. Тогда мне показалось, что за спиной выросли крылья, и я взлетела высоко в пасмурное небо, и оно озарилось светом на много тысяч миль. В тот момент он и сфотографировал меня.

Я сама до сих пор не понимаю, что же выразилось в тот момент на моем лице – видимо, поэтому снимок мне и не нравится, будто на нем не совсем я.

Я писала его.

Как он фотографировал меня, так я его рисовала, таким, каким видела. Внимательным, жизнерадостным и невозможно красивым русым красавцем, который улыбается доброй

и завораживающей улыбкой. Определенно, я сначала влюбилась в эту улыбку, потом в него самого.

Серые кирпичные стены в квартире были также расписаны мной. Особенно нравился его графический портрет на всю стену в гостиной. Я писала везде, где можно было. Где-то это были просто брызги краски с потеками, где-то пейзаж, где-то причудливые узоры, которые непонятно что обозначали. Я просто писала.

В квартире всегда была добрая и творческая обстановка. Воздух был буквально пропитан любовью, красками и свежесваренным кофе. Это было время безграничного счастья и спокойствия, но все это оборвалось.

Я до сих пор не могу вспомнить тот самый момент, ту грань, когда все пошло не так. Начались ссоры, крики и непонимание.

– Джессика, можно к вам присоединиться?

Вздрогнув от неожиданности, я заметила Софию, стоящую рядом, с бокалом шампанского в руке. Ее черные волосы до плеч были идеально уложены, а черное платье без рукавов придавало ей деловитость. Тонкие очки, карие глаза и вздернутый носик – она определенно рождена, чтобы быть чьим-то персональным секретарем.

– София, здравствуйте, да конечно. – Я искренне улыбаюсь и встаю чуть поодаль от нее.

– Прекрасная выставка, вы большая молодец, что смогли все это организовать. Официанты, закуски, шампанское...

Кстати, шампанское просто восхитительное, – она отпивает немного горькой жидкости и смотрит на работу. – Очень красивый букет, все-таки мистер Руис не ошибался насчет вас. Вы и вправду можете из неживого сделать живое. Посмотрите на эти прекрасные бордовые розы и полевые ромашки. Они словно дополняют друг друга. Стеклянная ваза показывает, что стебли свежесрезанные, значит, бутоны только-только начинают раскрываться, в этом вся и прелесть, – она отпивает еще из бокала, а я ни капли не удивляюсь тому, что Софии удавалось увидеть то, что другие не всегда видят. – Да... – дальше рассуждала она, – определенно этот букет подарен с такой любовью, что я могу только позавидовать.

Она полностью права. Этот букет с ромашками и розами я подарила маме на ее день рождения и в этот же день написала этот натюрморт.

Спасибо София, что увидели мою любовь в работе. – Я улыбаюсь ей как старой подруге, которая понимает с полуслова.

– Это несложно увидеть, Джессика. Вы столько вкладываете в них, что это сразу видно, по крайней мере мне, – она смеется и допивает шампанское. – Работы изумительны, кстати, о них, я по поводу очередного заказа. – Надеюсь, вы закончили свою *работу по душе?*

– Конечно.

– Прекрасно, завтра я подъеду к вам и заберу ее. Мистеру

Руису в этом месяце нужно срочно три работы. Две будут приблизительно один на один метр, а третья работа большая, три метра в длину и два в ширину.

У меня в буквальном смысле «отваливается челюсть».

– Вы, должно быть, шутите? Три работы за месяц? В таких размерах? Я не смогу в такой короткий срок уложиться, я действительно вкладываюсь в каждую работу по максимуму, а делать на скорую руку не в моей привычке.

– Я подозревала, что вы так отреагируете, поэтому мистер Руис сразу предлагает вам *сто пятьдесят тысяч долларов*, чтобы вы уложились в срок, либо он разрывает все связи с вами. Решать вам. Часть аванса у меня уже с собой.

Я не знаю, что ответить, не люблю, когда меня ставят в неловкое положение. У меня были заказы на полгода, на год, самый короткий был четыре месяца, который также заказывал мистер Руис, но месяц?! Не знаю, смогу ли...

Но терять такого хорошего клиента тоже не хочется.

– Страшного ничего нет, Джессика. Две работы по фотографиям, а картина большого размера будет абстракцией, ее я вам вышлю на электронную почту.

Сто пятьдесят тысяч долларов. Стоит рискнуть.

– Хорошо, передайте мистеру Руису, что я приняла его заказ.

– Прекрасно! – София роется в своем маленьком, черном, в тон платью, клатче и достает белый конверт, и протягивает его мне. – Это аванс. Не подведите нас, Джессика.

Я улыбаюсь и беру конверт. Тяжеловатый. София улыбается в ответ и прощается. Она свое дело сделала. Уговорила меня на такой сложный заказ! Чем я только думала? Одно успокаивает, заказ стоит *сто пятьдесят тысяч*, значит, его нужно сделать.

Выставка проходит на удивление спокойно. Я перекинулась парой словечек с покупателями и местными художниками. Одних интересовала цена, других, какой материал был использован в работах, но все благосклонно хвалили работы, отчего в душе стало теплей и мысли о *нем* отошли на задний план. Я смотрела на гостей и понимала, что какие бы мысли меня не посещали, я добилась всего сама.

Ближе к концу выставки, десять работ из шестидесяти трех были проданы и это весьма не плохо, если считать, что сегодня только первый из тридцати дней выставки.

– Джессика, вы в это верите?! Десять проданных работ! – восклицает Сара, сидя за небольшим столом, который был ближе к выходу из зала. – Я вами горжусь! Все деньги за работы переведены на ваш счет. – Она затягивает свои светлые волосы в конский хвост и ее глаза светятся радостью.

– Спасибо, Сара. Ты отлично сегодня поработала, но не расслабляйся, еще час до закрытия выставки, а я, пожалуй, поеду домой, ноги невыносимо устали.

– Подождите, молодой человек интересовался по поводу вашей картины, – девушка оглядывается по сторонам. –

Ушел, видимо, я его сейчас поищу и приведу к вам, только не уходите. Он был очень настойчив.

Сара встает из-за стола, и я взглядом провожаю ее вглубь зала. Переминаюсь с ноги на ногу, чтобы убрать напряжение с лодыжек. Слишком высокие шпильки. Пытаюсь поправить платье спереди, но в следующую секунду ноги, шпильки, дурацкое платье стали мне безразличны. Я буквально вросла туфлями в кафельный пол, когда знакомый голос сказал в спину:

– Привет, Джесс.

Меня обдало ледяным потом и по всему телу побежали мурашки. Обернувшись, я увидела русого голубоглазого красавца. Полгода...

– Привет, Сэм.

Глава 2

– Как ты? – парень смотрит прямо в глаза, и я отвожу взгляд.

Не хочу смотреть на него. Не могу. Он еще спрашивает, как я? Полгода никаких вестей от него не было, и тут он появляется и спрашивает, как я?

Плохо я! Плохо! Неужели не видно? Радость пропала в глазах, и походка стала не такой легкой, как раньше, но за счет красного платья с открытой спиной и лакированных туфель на шпильках этого можно не заметить. Внешность порой бывает обманчива.

– Нормально, – отвечаю я, расправляю плечи и бесшумно вдыхаю побольше воздуха в легкие. Так намного лучше. – Ты как?

Он улыбается своей широкой улыбкой, обнажая ровные белые зубы, и я заставляю себя не заострять внимание на этих губах и на нем в целом. Главное не подавать вида, что он что-то значит для меня.

Ведь значит?

– Джесс, нам нужно поговорить.

– Нет, не нужно, Сэм, – обрываю я его просительный тон и осмеливаюсь посмотреть прямо в небесно-голубые глаза. Внутри борются ангел и демон за мое отношение к этому человеку. – Ты мне все сказал и если ты пришел за моими

работами, я тебе ни одну не продам, понял? Ни одну!

Он опять расплывается в улыбке и меня это начинает злить. Где эта Сара? Настойчивый клиент, о котором она говорила, стоит передо мной и прожигает взглядом.

– Какими работами, Джесс? Я только пришел. Не мог же я пропустить такое важное событие в твоей жизни.

– Спасибо, что напомнил.

– Я скучал по твоим язвительным шуточкам, – он делает паузу и на секунду закрывает глаза, – но сейчас все по-другому.

– Вот именно, Сэм! – выпаливаю я.

– Через месяц я женюсь.

До меня не сразу дошел смысл его слов, а когда дошел, будто ледяной дождь обдает меня с ног до головы. Не смею пошевелиться, смотрю в глаза Сэма и не знаю плакать или смеяться, или вообще убежать подальше от него?

– Она беременна, Джесс, что я могу сделать? – в его взгляде раскаяние и сочувствие, но это не имеет ко мне ни малейшего отношения, так как каждая его фраза словно разбивает меня о кафельный пол.

Я стою, не шелохнувшись, и чувствую, как слезы все ближе и ближе подбираются к моим глазам. Теперь щенка, которого бросили хозяева, сбила машина, и он со сломанной лапой скулит на тротуаре, а с неба льет дождь. Щенку холодно и сыро. Он дрожит и скулит. Ему больно.

Сама того не осознавая, я понимаю, что действительно

дрожу. С немислимой силой я сдерживаю слезы, но ничего не могу поделать, и пелена застилает глаза.

– Ох, Джесс...

– Не смей меня так называть! – я вскрикиваю и поднимаю указательный палец вверх. – Не. Смей. Меня. Так. Называть. – Отделяю каждое слово и в голосе столько злости, столько отчаяния, что я не узнаю его.

Крепче сжимаю зубы, чтобы не дать слезам скатиться. Хочется побить себя по щекам, из-за того, что не позволяла себе давать слабину все шесть месяцев, а сломалась именно сегодня. Силуэт парня расплылся перед глазами, и хорошо, что я не видела его взгляда, а то истерика была бы неминуема. Напряжение нарастало с каждой секундой, и на благо нам обоим неожиданно закричала Сара, заставляя меня повернуться к Сэму спиной.

– Джессика, я нашла этого молодого человека! – девушка спешила через весь зал к нам, а за ней едва поспевал темно-волосый мужчина.

Понимая, что сейчас предстоит говорить с потенциальным клиентом, я быстро моргаю, и слезы тяжелыми каплями стекают по щекам. Я наспех вытираю щеки и аккуратно, подушечками пальцев, убираю под глазами потекшую тушь. Бью слегка себя по щекам, убирая следы слез, и улыбаюсь как можно естественней.

Сара с незнакомым человеком подходят, и девушка бросает на меня тревожный взгляд, но не заостряет на этом вни-

мание, за что я ей благодарна.

– Мисс Уильямс, это Джеймс Руис, – она показывает на мужчину и тот внимательно смотрит на меня, не выражая никаких эмоций. Я же, как идиотка, улыбаюсь во все тридцать два зуба. – Именно он хотел поговорить насчет ваших работ.

– Приятно познакомиться, мисс Уильямс, – он протягивает руку, и, посмотрев в его глаза, я тону в его темном взгляде.

Протягиваю руку мужчине, и до меня доходит, что это тот самый мистер Руис, который заказывал мои работы инкогнито на протяжении года.

– Вы тот самый мистер Руис? – мы ждем друг другу руки, и внезапно для меня его ладонь оказывается мягкой, но достаточно сильной.

– Тот самый, – уголок его рта слегка дрогнул в улыбке.

– Прошу прощения, но я оставлю вас, работа не ждет. – Сара улыбается нам обоим, напоследок осмотрев меня, тем же самым обеспокоенным взглядом.

Мой *агент на один день* удаляется от нас. Джеймс Руис не отводит взгляда от меня и, как мне кажется, смотрит очень внимательно, словно пытается прочесть мои мысли.

– Давно ждал этого момента, когда я смогу с вами лично познакомиться, – его неторопливый, низкий голос заставляет вздрогнуть.

– Если вы не заметили, мы с этой девушкой разговаривали. – Голос Сэма застает врасплох, я и забыла, что он стоит

за моей спиной.

Не отводя своего странного взгляда от меня, мистер Руис говорит тем же ровным голосом:

– Вы уже достаточно поговорили с ней, – поднимает взгляд и смотрит поверх меня, – довели девушку до слез, что не дает право вам продолжать разговор. – В голосе чувствуется недовольство и сталь.

– Я думаю, девушка сама в состоянии решить с кем говорить, – холодный голос Сэма обжигает спину, и я решаю поскорее закончить непонятный диалог.

Поворачиваюсь к *бывшему*:

– Я тебе перезвоню. – И взглядом даю понять, чтобы убрался и не портил мне сделку с клиентом. Не Сэм же мне предложил *сто пятьдесят тысяч* за работу.

Парень удивляется моим словам, но потом глаза добреют и он улыбается.

– До встречи, Джесс, – напоследок кидает ледяной взгляд на Джеймса и большими шагами удаляется из выставочного зала.

До какой встречи? Никакой встречи не будет, но думать я буду об этом потом. Сейчас меня больше всего интересует загадочный Джеймс Руис. Я поворачиваюсь навстречу темно-карым глазам и окидываю взглядом моего постоянного клиента.

Темные волосы небольшими прядками спадали на лоб, тонкие, словно очерченные кармином губы, острые скулы

и прожигающий взгляд темных глаз. Джеймс одет в классический костюм с бабочкой, который идеально на нем сидит. Я чувствую себя неудобно при таком элегантном денди.

– Следует отметить, – вы прекрасно выглядите, Джессика, – он окидывает меня взглядом, словно снимая с меня одежду, сантиметр за сантиметром.

Я становлюсь цвета платья и стараюсь перейти ближе к делу:

– Благодарю, мистер Руис, но вы хотели поговорить насчет моей работы. Какой именно?

– Да, хотел, но не здесь. В более неформальной обстановке, в ресторане вас устроит?

Я медлю с ответом. Не нравится мне это, но он заплатил большие деньги за работу и выбора не остается, кроме как согласиться:

– Устроит.

– Хорошо, моя машина снаружи, идемте. Нам давно нужно узнать друг друга поближе.

– Пожалуй.

– Не бойтесь, Джессика. Считайте это деловым ужином с вашим очередным клиентом, – Джеймс впервые улыбается за все то время, пока мы стоим, и у него появляются очаровательные ямочки на щеках.

Я признаюсь себе в его привлекательности, но отгоняю непристойные мысли. Шесть месяцев, как я одна, тут хочешь, не хочешь, а в голову будет лезть, что попало.

Мы едем в его черном «Мерседесе» и в салоне сильно пахнет кожей, похоже, что машина новая. Выезжаем за пределы Портленда, мелькают зеленые полосы деревьев и постепенно становится страшно. В голову лезут неприятные мысли, что этот Джеймс Руис маньяк и насильник, и специально увозит меня подальше от города. Вопреки моим страхам, Руис держится спокойно, даже отстраненно. Мы доезжаем до незнакомого ресторана в полном молчании. Он паркует автомобиль на небольшой парковке возле деревьев.

«Золотой лес» – ресторан с говорящим названием выглядит, как небольшой дом из бруса. Внутри все выдержано в деревенском стиле. Небольшое помещение с круглыми столиками, на которых бежевые скатерти. Стулья с полосатыми подушками, большой камин возле дальней стенки, где тлеют угли. Все очень уютно и скромно. Мне тут нравится. В ресторане сидят только две пары, они провожают нас взглядом, пока мы идем до столика, стоящего напротив камина.

Джеймс деликатно отодвигает стул, помогая мне сесть, и сам садится напротив. Тепло от камина расслабляет меня, и кожа отогревается от вечернего холода. Темный взгляд опять прикован ко мне и бесстыдно раздевает меня.

– Послушай, если ты так будешь раздевать меня взглядом, то я уйду, – выпалила я, поняв, что уже перешла на «ты». Нехорошо, нехорошо.

– Разве я раздеваю взглядом? – он поднял бровь, – Я про-

сто смотрю на тебя, – Джеймс подзывает официанта и подается чуть ближе. – Если бы я раздевал тебя взглядом, ты бы это заметила.

Я сглатываю. Что происходит? Я знаю его полчаса, и он уже в открытую флиртует. Или я флиртую? Не понимаю, как себя вести с человеком, с которым год работала, так его ни разу не увидев. Промолчав в ответ на двусмысленную фразу Джеймса, я вижу молодую официантку в очках, с причудливыми шишечками в виде прически, на голове. Она подходит к столику и спасает меня от ответа Джеймсу.

– Моэт и Шандон, одну бутылку, и фруктов, пожалуйста, – произносит Джеймс.

Девушка чиркает в своем маленьком блокноте и бесшумно, как пришла, удаляется от нас.

– Нужно отметить открытие вашей первой крупной выставки, согласны со мной, мисс Уильямс? – он улыбается, второй раз показывая эти невыносимо красивые ямочки на щеках.

Я беру себя и бесстыжие мысли в свои руки и напоминаю, зачем мы здесь.

– Мы собирались поговорить о моей работе, а не отмечать мою выставку, мистер Руис.

– Я помню, зачем мы здесь, – парень снимает бабочку с шеи и кладет ее в карман пиджака, – но отметить вашу выставку все же стоит, я помню, как вы готовились к ней. – Он расстегивает пиджак и вешает его на спинку стула, оставаясь

в белой рубашке, – из-за выставки вы не смогли сделать мои заказы быстро.

Не отводя взгляда от меня, он расстегивает одну верхнюю пуговицу рубашки и откидывается на спинку стула.

– Так намного лучше... Прошу прощения, никогда не любил смокинги.

Что он делает? Мне вдруг стало жарко, но не знаю, от камина или от него.

– Что значит, не смогла сделать заказы быстро? Я все выполнила в срок.

– Но могли же быстрее? – В его глазах играл нехороший огонек, и это не было отблеском огня от камина.

Да, могла. Но расставание с Сэмом меня выбило из колеи. Не знаю, как вообще доделала эту выставку. Я буквально разрывалась между заказами мистера Руиса и своими работами на выставку.

– Ладно, не будем о плохом. Побывав сегодня на вашей выставке, мне понравились три работы. Первая – графический портрет молодого человека, в профиль, вторая – маяк на скалистом берегу и третья – серая кирпичная стена с брызгами краски. Я хотел бы их приобрести и узнать, что вас вдохновило на столь разные работы, какова их история?

Джеймс внимательно смотрит на меня, ожидая ответа.

Я оцепенела. Он перечислил все мои работы, которые были посвящены Сэму. Откуда он знает? Или ему кто-то сказал, что эти работы я написала для бывшего? Он его ви-

дел в первый раз сегодня, поэтому версия, что он мог знать сам, не подходит, а вот сказать ему мог кто угодно, только вот кто?

Мысли заводят в тупик. Непонятное, двоякое ощущение с первой минуты нашего знакомства с Джеймсом становится еще более ощутимым. Говорить про работы я точно не стану, тем более такому скрытному (или наоборот открытому) человеку, как мистер Руис.

Моим спасением стали «причудливые шишечки». Официантка поставила на стол ведерко со льдом, в котором была бутылка шампанского, следом поставила два бокала. Чуть позже на столе уже стоял большой поднос фруктов.

Джеймс взял бутылку и бесшумно открыл ее, разливая шампанское по бокалам. Я наблюдала за его действиями и могу сказать, что он держит себя в хорошей физической форме. Бицепсы проглядывали через рубашку, а широкие плечи поражали своей рельефностью. Он протягивает мне бокал и произносит:

– За твою выставку, Джессика, – мы слегка касаемся бокалами, и шампанское оказывается не горьким, как я привыкла, а сладким, будто пьешь виноградный сок. – Моэт и Шандон... это шампанское любил еще Людовик пятнадцатый, думаю с тех времен, оно не изменилось, – говорит Джеймс и немного раскачивает шампанское в бокале, – Так ты расскажешь про работы? – он допивает золотистую жидкость и внимательно смотрит на меня.

Мы скачем с «вы» на «ты», либо наоборот, нужно уже определиться. Про работы я ни ему, ни кому-то еще, ни за что не расскажу. Я, наконец, набираюсь храбрости и, следуя за Джеймсом, осушаю бокал.

– Нет, Джеймс. Я не буду рассказывать про эти или про другие работы, так как это личное художника. Его чувства, эмоции... И, кто спрашивает, кому посвящена работа, тот сильно оскорбляет его внутреннее «я», – я говорю это чересчур возмущенным тоном.

– Так работы кому-то посвящены?

Я прикусываю язык. Черт.

– Что? Нет! Они никому не посвящены.

– Этому молодому человеку, который доводит тебя до слез?

– Что? О, Господи! Нет, конечно!

– Он об этом знает?

– Ты меня слышишь? Эти работы никому не посвящены!

И давай оставим этот разговор.

Джеймс, прищурившись, смотрит и мои руки предательски трясутся. Только бы не выдать себя. Только бы не выдать. И зачем ему так необходимо узнать, кому именно посвящены работы? Надо же мне было так проколоться.

– Хорошо... – его скулы напряглись, черные глаза стали еще глубже.

Он резко встает из-за стола, хватая пиджак, достает из внутреннего кармана купюры и кидает на стол. Я смотрю

на него, и в очередной раз не знаю как себя вести с ним.

– Собирайся, я отвезу тебя домой.

Он берет бутылку шампанского, и по пути к выходу, на ходу, запрокидывает голову, пьет большими глотками.

Он зол... даже очень. Я тоже зла. Поднимаюсь из-за стола и плетусь за ним, ловлю сочувственный взгляд официантки в очках. Ох, если бы она только знала в какую авантюру я, похоже, ввязываюсь.

Глава 3

Кто ему давал право вообще на меня злиться?! Это я должна на него злиться и психовать! Если я не сказала про работы, значит, у меня есть на это причины. Не таким я представляла наш первый разговор. И не таким я представляла «мистера Зло». Думала, это невысокий, крепкий мужчина, лет шестидесяти, который рассуждает про картины, как о своих внуках, с любовью и заботой. Джеймс же, оказался полной противоположностью моим представлениям о нем.

Отстраненный он какой-то, и я не всегда могла понять двусмысленность его фраз. Для клиента, который делает заказы на *сотни тысяч долларов*, он довольно молод. Где он работает? Точно не бизнесмен, раз не любит смокинги.

Неприятно то, что сложно понять его, тем более, когда он читает меня, как открытую книгу. Как он так быстро догадался, что работы посвящены Сэму? Это не укладывается в голове, как и то, что он покупает все работы, связанные с моим бывшим.

Он подъезжает точно к моему дому, и я нервно поглядываю на него. Адреса я ему не говорила.

– Откуда ты узнал мой адрес?

– София, – кидает сухо Джеймс, глядя на дорогу.

Ну конечно, кто бы сомневался. Меня это еще больше

злит, выхожу из машины и громко хлопаю дверцей дорогого автомобиля. Не оборачиваясь, уверенными шагами захожу в фойе здания, чувствуя голой спиной взгляд темных глаз.

Подхожу к двери квартиры и обнаруживаю, что она открыта. Что за?... Осторожными тихими шагами прохожу в коридор. Не хватало мне еще грабителей, тогда это будет «замечательное» окончание слишком долгого и насыщенного дня.

Свет везде выключен. Нащупываю выключатель и подпрыгиваю от неожиданности.

– Сюрприз! – моя сестра заливается заразительным смехом. – Попалась!

– Черт, Бонни! Я думала, это грабители!

Сестра еще больше смеется, хватаясь за живот, но мне не до смеха. Я подавляю смех над собой и бегу к сестре обниматься.

– Я так рада тебя видеть, – мы стоим посередине квартиры в крепких объятьях друг друга, и это как бальзам на душу после неудачного ужина с Джеймсом. – Когда ты приехала? – я отхожу от сестры, чтобы лучше ее разглядеть.

Моя выпускница стала совсем большая. В этом году она должна поступать в колледж в Ванкувере, но почему-то оказалась за пятьсот километров от дома. Ее синие, как у мамы, глаза светятся любовью и счастьем, белокурые волосы собраны в лохматый пучок. Как же я по ней скучала!

– Пару часов назад, – ее широкая улыбка заставляет меня

улыбнуться еще больше и загнать неприятные мысли о темных, раздевающих меня глазах, далеко внутрь. – Джесси, ты круто выглядишь! – она окидывает меня взглядом и прищелкивает языком.

– А спину так и не научилась держать. Выпрямись, у тебя же обалденная грудь!

– Давай не будем!

– А что? Мне только завидовать остается.

Я заливаюсь смехом и снимаю неудобные туфли.

– Кстати спасибо, что дала ключи, когда приезжала в Ванкувер. Видишь, онигодились, – Бонни хитро улыбается, – мама дозвониться не могла до тебя, хотела поздравить с открытием выставки.

Сестра включает свет в гостиной и с размаху падает на диван.

Я вспоминаю о телефоне первый раз за день и боюсь представить себе, сколько пропущенных звонков там. Я ни капли не удивляюсь, когда вижу десять от мамы и ни одного от отца. Впрочем, последнее меня не удивляет, он никогда не интересовался жизнью своих дочерей. Набираю номер мамы и даю знак Бонни, чтобы дала мне минуту на разговор.

– Джесси, ну наконец-то! Я так переживала за тебя! – голос мамы такой теплый, кажется, что она стоит рядом.

– Прости мам, замоталась, – оправдываюсь я.

– Как все прошло?

– Просто замечательно, десять проданных работ, – отве-

чаю я и в своем голосе слышу гордость, но она тут же меркнет – А еще был ужин... с клиентом.

– Даа?... – мама сладко протягивает слово, давая понять, что хочет подробностей.

– Помнишь мистера Руиса? Я тебе про него говорила, собственно с ним я и ужинала. Мы обсуждали работы, которые он хочет купить, – все рассказывать я не буду, не в том состоянии.

– Ого! Ты же его в первый раз видела за год? Определенно, это очередной седой толстенький старичок, который любит поговорить об искусстве?

Как же ты ошибаешься. Перед глазами встает раздевающий меня взгляд. Маме пока что не обязательно про это знать, и я соглашаюсь с ее версией.

– Я так и думала, – в голосе мамы небольшое разочарование, – у тебя просто никто другой не покупает работы, не обижайся.

– Ничего, все в порядке.

– Бонни приехала уже?

– Да, почему не сказала мне, что она приедет, я бы ее встретила.

– Вчера пришли результаты, и мы узнали, что она поступила в колледж в Портленде! Ты представляешь?! Она тебе еще не сказала?

– Нет еще.

– Ох, Джесси, это такая удача, что она поступила именно

туда. Она поживет у тебя некоторое время? Ты же не против?

– Ты шутишь? Нет, конечно! Я буду только рада, и к тому же, будет кому присмотреть за этим гиперактивным подростком, – я кидаю взгляд на Бонни, которая хмурит брови от моих слов.

Я хитро улыбаюсь сестре.

– Мам нужно идти, мы разберем вещи и будем ложиться спать.

– Спокойной ночи, дорогая. Целую.

– Я тебя тоже.

Сестра привезла с собой три забитых доверху чемодана. Мы раскладываем вещи в шкаф. Неожиданный сюрприз Бонни удался. Я очень рада, что она приехала и осуществила свою мечту – поступление в колледж на врача. Она большая молодец. Меня переполняет гордость за сестру. Это и к лучшему, что я сейчас буду не одна. Одной в стенах квартиры можно сойти с ума.

– Мне эта квартира больше нравится, она стильная и просторная, нежели та, которую вы снимали с Сэмом, кстати, как он? – Бонни оглядывается вокруг.

– О нет, говорить о нем я точно не стану!

Наконец-то все вещи разобраны, приняв душ, мы с сестрой расположились на диване перед большим телевизором.

– Да ладно! – она пихает меня в плечо и делает глоток «Бада» из бутылки, – я никому не скажу! Как и то, что ты

спайваешь малолетних.

– Эй! Давай тогда сюда! – пытаюсь забрать бутылку, но безуспешно.

Мы смеемся, и на душе ничего не остается от разговора с Джеймсом. С сестрой всегда так, она как бальзам на мои душевные раны. Только вот в случае с Сэмом мне помогла живопись. Я осталась одна в большой пустой квартире, а все родные были далеко. Благодаря именно сладкому запаху масла я пережила, то время.

– Так ты расскажешь мне про него? – Бонни хитро смотрит на меня и закидывает в рот орешку.

– Про кого?

– Дурочку не строй из себя, Джесси! Я про этого красавчика, который тебя подвозил на шикарном черном мерсе, я видела вас в окно, – сестра расплывается в ехидной улыбке при виде моего выражения лица.

– Это был Джеймс Руис.

Да, – ей я могу сказать.

– погоди, тот самый мистер Руис? – глаза Бонни сверкают любопытством.

– Да.

– Ого, – удивленно выдыхает она и делает несколько глотков пива, – он намного круче, чем Сэм.

– Ну, как сказать...

– Я чего-то не знаю? – не унималась сестра. – Выкладывай Уильямс!

– Это сложно объяснить.

– Умоляю, Джесси! Расскажи!

– Нет! – отрезаю я и встаю с дивана, – надо ложиться спать.

Разговаривать про Джеймса я точно не готова.

Бонни ничего не говорит. Она знает, что если я не хочу говорить, то из меня это не вытянешь. Мы разбираем диван, и сестра обиженно отворачивается к стенке. Сегодня точно не мой день. Утро вечера мудренее, и, завернувшись в одеяло, я падаю в темный глубокий сон навстречу темным глазам.

Просыпаюсь от продолжительного звонка в дверь, после которого следуют громкий стук. Кто так долбится? Кого принесло с утра пораньше? Сестра спит без задних ног, просить ее встать и открыть дверь бесполезно. Поднимаюсь с кровати, и такое чувство, что моя голова сделана из чугуна. Не надо было вчера мешать пиво с шампанским. Опять раздается настойчивый стук в дверь.

– Иду я, иду...

Протираю глаза и плетусь к двери. Смотрю в глазок и вижу Софию с недовольным выражением. Черт. Я совсем забыла, что она должна приехать. Открываю дверь и улыбаюсь сонной улыбкой.

– Здравствуйте, София, – пропускаю девушку внутрь.

Она окидывает меня взглядом. На мне белая футболка

с пятнами от пива, которые я получила, когда мы с Бонни веселились. Волосы разлохмаченные, а рот лучше вообще не открывать. Сквозь землю готова провалиться.

– Вижу, что открытие выставки прошло удачно, – она понимающе улыбается и проходит в квартиру.

Я утвердительно киваю и провожаю ее в студию, но по пути спотыкаюсь о стеклянные бутылки пива, которые со звоном раскатываются по паркету в разные стороны.

– Сестра приехала, – объясняю я.

Боже! Ну и позор! София ничего не говорит, а только улыбается, и я не понимаю, хорошо это или плохо. В студии на удивление порядок, что бывает крайне редко. Запах меда и красок приводят меня немного в чувство. Проверяю масло на холсте и оборачиваю мой «кровавый закат» в чистую ткань, и передаю картину секретарю Джеймса.

Сегодня София в белой блузке и джинсах, волосы собраны в маленький хвост, а черные прядки обрамляют ее бледное лицо. Для своих сорока с хвостиком лет она выглядит вполне молодо.

– Приятно иметь с вами дело, Джессика.

София берет работу у меня из рук и достает из маленькой сумки белый конверт.

– Это остальная часть, – говорит она.

Беру конверт в руки, и он оказывается тяжелее, чем вчерашний. Что ж, *сто пятьдесят тысяч* он мне заплатил, нужно срочно приступать к работе.

– Я выслала вам образцы работ на вашу почту, – говорит София, – больше задерживать вас не буду, мне пора идти.

Без лишних вопросов я провожаю девушку и направляюсь напрямиком в душ.

Горячие струи воды приводят в чувства, и в голову снова лезут воспоминания о вчерашнем дне. Выставка и впрямь получилась роскошная, нужно позвонить Саре и продлить с ней контракт. Нравится она мне. Конечно же, взбалмошная, но чем-то напоминает сестру. И продажа десяти картин в первый же день выставки дорогого стоит.

Мысли плавно переходят к голубоглазому Сэму и меня передергивает. Ну и скотина! Мало что пришел на мою выставку, так еще и заявил, что женится и жена беременна! Конечно, мне нет никакого дела до его жизни, полгода прошло, но почему-то я дала слабину. Спас меня от бывшего, как ни странно, именно Джеймс.

Не забуду, как он смотрел на Сэма. Очень глубокий взгляд. Этот взгляд меня преследовал весь вечер и даже во сне. Да, он чертовски красив и привлекателен, но если допустить мысль, что у нас что-то будет, я могу уверенно сказать – с таким человеком у меня ничего не выйдет. Как может вообще что-то быть с человеком, который ничего не говорит, думает о чем-то своем, а потом злится на то, что ему отвечают взаимностью?

Куда меня занесло? Один ужин, и я уже рассуждаю о предполагаемых отношениях с Джеймсом.

Смываю шампунь с волос и, заодно, мысли об этом человеке. Обещаю себе больше о нем не думать, хотя бы в ближайшие часы.

Бонни до сих пор спит, и я потихоньку убираю пустые бутылки из-под пива, разбросанные возле дивана. Ужас. Видела бы мама... Убрал весь мусор и помыв посуду, я сажусь на барный стул на кухне. Проверяю конверт, который передала София. Обнаруживаю толстую пачку купюр и маленькую записку.

Сроки изменились. Три работы нужно сделать за три недели.

По всем вопросам, звоните на мой номер.

Д. Руис

Я таращусь на клочок бумаги, и во мне опять просыпается тот гнев, который был во время разговора с Джеймсом, по поводу моих работ. Если он так пытается отомстить, то ничего не получится. Может забрать *сто пятьдесят тысяч* и отстать от меня. У меня в запасе еще пятьдесят три работы, которые можно продать.

Беру телефон и набираю злосчастный номер.

– Джеймс Руис слушает, – его низкий сексуальный голос не собьет меня с мысли.

– Что значит три недели? – я прямо чувствую, как он улыбается в трубку.

– Вам тоже доброе утро, Джессика, – чрезвычайно мягкий голос, который не идет ни в какое сравнение со вчерашним его тембром, застал меня врасплох. – Простите меня за мое глупое поведение за ужином, – будто не слыша моего вопроса, произносит Джеймс, – я готов все объяснить по поводу сроков, но не по телефону, давайте встретимся в известном вам ресторане. Через час вас устроит?

Ну, уж нет, второй раз на одни и те же грабли я не наступлю и резко обрываю его:

– Нет, говорите мне сейчас, либо я отказываюсь выполнять заказ.

Следует небольшая пауза.

– Хорошо, – голос Джеймса становится такой, какой был вчера, стальной, низкий и не громкий. – Мой потенциальный заказчик, на которого я работаю, требует эти работы через три недели, если их не будет в срок, то будут последствия, мисс Уильямс.

Его неестественный смех заставляет насторожиться. Не могу понять, была ли это правда, либо опять его шуточки, но не заостряю на этом внимание. Рассуждаю логически – приехала Бонни и мне нужно помогать ей с учебой, значит, понадобится машина, тем более, мне нужно давно обновить мольберты в студии. Деньги сейчас мне нужны. Я глубоко вздыхаю и соглашаюсь на практически невыполнимую задачу.

– Хорошо, я сделаю заказ, но при одном условии.

– Слушаю.

– Я требую доплаты, мало кто пойдет на столь сложный заказ.

– Никаких проблем, Джессика. Доплачу столько, сколько нужно.

– Хорошо, не будем терять времени. Я вам позвоню, мистер Руис, как будет все готово.

– Жду звонка, – и от теплоты в его голосе мне становится неудобно, хотя мы говорим по телефону.

Отключаюсь и замечаю сестру в проходе.

– Кто это был? – она трет глаз и зевает.

– Джеймс. Он сократил сроки заказа, не представляю, как я это сделаю.

– Я в тебя верю, – она улыбается, и я радуюсь тому, что вчерашняя обида прошла. – Есть апельсиновый сок? У меня ужасно раскалывается голова.

– Посмотри в холодильнике, вроде должен быть, – забираю конверт, набитый деньгами, и записку от Джеймса. – Тебе сегодня никуда не надо?

– В три часа нужно быть в колледже, там что-то скажут про первые занятия, – сестра достает из холодильника сок и пьет прямо из пакета. – Ты мне дашь на такси?

– Да, после того как примешь душ, – я улыбаюсь сестре и достаю из конверта пятьсот долларов. Кладу купюры на барную стойку. – Можешь пройтись по магазинам, я сегодня буду весь день в студии.

– Ты серьезно? – Бонни берет деньги и бросается на шею. – Спасибо сестренка! Ты у меня самая лучшая!
– Даа... – обнимаю ее в ответ. – Я в курсе.

Студия. Мольберт. Холст. Запах меда. В руках кисть, но для счастья не хватает мамы за стеной, которая печет блинчики. Было бы в точь-в-точь, как десять лет назад. Мне было четырнадцать, и я любила закрываться в своей комнате с листом ватмана на маленьком мольберте. Я могла часами пропадать за живописью, но мамины блинчики, которые она готовила по воскресеньям, я никогда не пропускала.

Первая работа указана с точным размером – семьдесят пять на сорок восемь сантиметров. На фотографии, которую прислала София по почте, изображен пейзаж. Озеро, на нем три небольшие лодочки с желтыми парусами, виднеется зеленый берег и дома яркого апельсинового цвета. Стоит солнечная погода и вода, словно зеркало, отражает желтые, голубые и огненные тона.

Выдавливаю тюбики с лимонным и красным кадмием, вдыхаю мой любимый запах и полностью растворяюсь в творчестве.

Глава 4

Прошло три дня после того, как мы говорили в последний раз с Джеймсом. Бонни ушла на вечеринку, которая посвящается студентам-новичкам и пообещала не задерживаться. Я же все эти дни пропадала в студии, чтобы закончить все в срок. Тени были везде прописаны и зеркальная вода озера почти закончена. Остались парусники и берег. Половина работы, можно сказать, сделана.

На всю студию неожиданно заиграла мелодия Halsey, и кладу рядом с собой палитру и кисти. Вытираю грязной тряпкой, которая пропитана в растворе, руки, достаю из фартука телефон и отвечаю на звонок.

– Здравствуйте, Джессика, – голос Джеймса застаёт меня врасплох.

Все три дня я старалась не думать о нем и о непонятном своем отношении к нему. Полностью отдалась работе, порой заканчивая в четыре утра. Сроки поджимали. И тут он напоминает о себе, давая мне понять, что где-то глубоко в душе я скучала. Ну что за бред? Он мой клиент и ничего более, так и относиться нужно соответствующее, поэтому отвечаю как можно равнодушнее:

– Здравствуйте, мистер Руис, – может даже сильно равнодушно. – Я же вам сказала, как закончу, позвоню.

– Да, я это помню. Хотел поинтересоваться, как продвига-

ется работа? Может что-то нужно? – в голосе слышится беспокойство, и мне становится приятно. – Краски, кисточки, не знаю, может быть, мольберт?

Мне становится смешно, но я проглатываю смех и уверяю, что для работы мне ничего не нужно.

– На самом деле вы не представляете, как меня выручили, – мне кажется, что Джеймс говорит искренне, но не совсем этому верю. – Если бы не вы, не представляю, какие последствия работы меня бы ждали.

Чрезмерная откровенность ставит меня в неловкое положение. В который раз, я не знаю, как вести себя с Джеймсом. К счастью, он продолжает:

– В знак моей большой благодарности, хочу вам преподнести подарок.

– Да, но не сейчас, – кидаю взгляд на незаконченную картину. – Сейчас я стою перед вашим заказом, который нужно срочно закончить. Пришлите почтой, хорошо?

Неожиданно Джеймс смеется. Смеется! Невероятно красивый смех этого мужчины заставляет меня расплыться в улыбке. Я одергиваю себя. Он смеется надо мной!

– Нет, Джессика, по почте я его вам не пришлю. Никаких отказов тоже не приму, – он говорит настойчиво. – Никуда не придется ехать. Я уже жду вас под вашими окнами.

Эта новость меня неприятно удивляет, и я машинально поглядываю на грязное окно с решеткой. Он следит за мной?

– Пожалуйста, Джессика, это не займет много времени, –

я медлю с ответом и молчу. – Хорошо, я скажу только одно слово, и вы согласитесь – Малтнома.

И тут он был совершенно прав. Я сразу же забываю про студию, краски и незавершенную работу. Водопад Малтнома – это же моя мечта с самого детства! Он является вторым по высоте в США, состоит из двух ярусов, между которых можно пройти по каменному мосту и полюбоваться всей этой красотой из самого центра водопада. Я определенно поеду туда, даже с такой странной компанией, как Джеймс Рус.

– Дай мне пять минут, – говорю я и, не дожидаясь ответа, скидываю звонок.

Сбрасываю фартук и швыряю его на стол, на котором разбросаны черно-белые эскизы других моих работ. Кидаю все кисти в банку с раствором и выбегаю из моего творческого убежища. Руки и лицо быстро протираю под горячей водой в ванной, но краска плохо смывается, и, бросив это дело, бегу переодеваться. Джинсы, футболка, толстовка и кроссовки. Ничего лишнего. Волосы, собранные в пучок на голове я не трогаю и, решив обойтись без косметики, уже закрываю дверь. Ровно пять минут.

Сердце колотится, когда я пробегаю по длинному фойе на улицу. Неужели, правда? Неужели я увижу тот самый водопад, который смотрела по телевизору, разинув рот? И как он догадался, что это моя давняя мечта? Опять совпадение, как с работами Сэма? Откинув все плохие мысли, я сажусь

в черную знакомую машину.

– Привет, – Джеймс улыбается, видя мое заполошенное состояние.

– Привет, – я стараюсь не смотреть на него и унять сердце.

– Хорошо выглядишь, – его улыбка становится еще больше, появляются ямочки на щеках.

Он издевается надо мной? Будем разговаривать?

В ответ улыбаюсь ему, недовольно поджав губы. Джеймс заводит Мерседес и в салоне звучит местное радио.

В воскресенье всегда большие пробки на дорогах, но я живу не в центре города, а ближе к его окраине, и мы быстро миновем большой поток машин, выезжая за пределы Портленда. Все это время мы сидим в молчании, и если бы не песня Olu Murs, то от молчания я сошла бы с ума. Решаю первой прервать эту неловкую паузу и выяснить, почему мой подарок – именно водопад Малтнома?

– Откуда ты узнал? – смотрю на него и окончательно признаюсь себе в том, что меня к нему влечет, как бы я не пыталась доказать себе обратное.

Сегодня Джеймс в белоснежной футболке и таких же как и я, синих джинсах. На щеках проглядывает щетина, а темные волосы, как и при первой встрече, хаотично торчат в разные стороны, закрывая немного лоб. Серьезный взгляд внимательно следит за дорогой.

– Узнал что? – не поворачивая голову, спрашивает Джеймс.

– Про водопад? Это моя мечта детства.

Он кидает взгляд на меня, изображая непонимание.

– Я не знал, что это твоя детская мечта. Сам давно хотел туда съездить, тем более время года подходящее. Ты меня выручила с заказом, и я решил убить двух зайцев одним выстрелом. – Джеймс пожимает плечами и говорит спокойным голосом, будто мое заявление о детской мечте его ни капли не удивило.

Я прищуриваюсь и поджимаю губы. Не такого ожидала ответа.

– Что? – он смотрит прямо в глаза и мне хочется сразу отвести взгляд, но я не делаю этого. – Я и вправду не знал, что это твоя мечта, – он переключается на дорогу и мне становится лучше. – Верь мне, Джессика.

Ничего не отвечаю, и он понимающе не задает лишних вопросов. Мы опять остаемся в *нашей тишине* с радиоприемником.

Через минут сорок мы, наконец, подъезжаем на небольшую парковку перед массивным каменным домом. Похоже на гостиничный комплекс. Вокруг все буквально утопает в зелени. Я выхожу из машины и мое лицо обдувает ледяной ветер. Застегиваю синюю толстовку и накидываю капюшон, так становится немного теплее. Джеймс берет с заднего сиденья черный свитер и натягивает его на себя. Он ему очень идет, подчеркивает и без того идеальную фигуру. Ставит машину на сигнализацию и бросает:

– Идем, – он кивает в сторону, и я едва поспеваю за ним.

Мы обходим огромный дом, и нас уже поджидает незнакомый мне мужчина. Джеймс знакомит меня с маленьким, похожим на корейца, проводником по имени Стэн, и говорит, что он доведет нас до водопада. Я вся в предвкушении растираю синие от холода ладони и жду не дождусь, когда начнется наше восхождение. Джеймс хмуро смотрит на меня и говорит, чтобы я подождала его, и скрывается за каменным домом. Через некоторое время, он возвращается с черной курткой в руках и протягивает ее мне.

– Надевай, возле водопада будет очень холодно. Куртка тебе не помешает.

Я не спорю и молча надеваю его куртку, которая пропитана духами морского бриза, цитруса и им самим. Невероятный запах словно обволакивает меня в чужую оболочку, одурманивая разум и мысли. Я в плену. Я в плену его куртки, его черных глаз и запаха.

Удостоверившись, что я в тепле, Джеймс дал разрешение Стэну на начало прогулки.

Пока мы шли до каменного моста Бенсон, природа вокруг завораживала. Верхушки деревьев пропадали в белом тумане, а воздух был пропитан сыростью, листвой и хвоей. С каждым шагом по деревянной лестнице, проложенной до самого водопада, голова кружилась от переизбытка кислорода. Я не рождена для физических нагрузок, что не сказать про Джеймса, который обогнал нас со Стэном на несколько мет-

ров, постоянно оглядываясь и проверяя, живые мы или нет.

Туристов было очень много. Одни, так же, как и мы, взбирались на вершину, другие, переполненные впечатлениями, уже спускались, рассказывая друг другу о виде, открывающемся с Малтномы. Мне уже не терпелось завершить эту пытку ожиданием прекрасного, и набрав побольше воздуха, ускорила шаг, обгоняю Джеймса. Оборачиваюсь и машу ему рукой, тот расплывается в улыбке и машет в ответ.

Позже, протиснувшись сквозь толпу людей на мост, от открывшегося вида у меня перехватило дыхание. Холодный воздух от водопада долго не давал отдышаться от долгого восхождения. Начала Малтномы не видно. Гора завязла в тумане, и вода словно льется из облака, шумно ударяясь о небольшую заводь внизу, которая плавно переходит в другой водопад поменьше. Оранжевые и желтые деревья, обрамляющие скалистые горы по обеим сторонам от моста Бенсона, уже приготовились к ранней осени.

Туристы на мосту шумели, кто-то фотографировал, кто-то пытался пройти через толпу и уйти с моста, а я, словно замороженная, смотрела на шумные потоки воды, и никто не существовал для меня в этот момент.

По телевизору он совершенно не такой... Телевидение не достигло еще такого развития, чтобы передать всю красоту природы в таком виде, в каком она существует на самом деле.

– Нравится подарок? – неожиданный голос Джеймса опять заставил меня чувствовать себя неудобно, словно он застал меня за чем-то непристойным и откровенным.

– У меня нет слов, – не отрывая взгляда от водопада, призналась я. У меня правда не было слов, настолько здесь было красиво.

– Я знал, что тебе понравится, – он встал рядом, опираясь на перила Бенсона и так же, как и я, вглядываясь в водопад.

От его близости и, тем более, в его куртке, мне становится неловко и неудобно. Я быстро убираю нехорошие мысли, мешающие наслаждаться видом.

Освежающий запах водопада, перемешанный с запахом духов и запахом самого Джеймса, настолько дурманит, что у меня кружится голова. Понимаю, что на высоком мосту мне сейчас станет плохо, предлагаю спуститься на нижний ярус Малтномы. Руис без колебаний соглашается, спрашивая:

– Если плохо, то давай уедем?

– Нет, нет, просто на высоте себя нехорошо чувствую.

Джеймс поджимает губы, но ничего не говорит, пропуская меня вперед. С нижнего яруса вид еще более захватывающий. Водопад показывается полностью, во всей своей красе. Вдалеке виднеется каменный Бенсон и маленькие толпы людей на нем. Здесь же намного меньше туристов. Отойдя от единственной группы людей, мы оказываемся в недопустимо интимной близости друг от друга. Я скрещиваю руки

на груди, чтобы отгородиться от откровенного взгляда.

– Знаешь местную легенду индейцев об этом водопаде? – Джеймс переводит взгляд с меня на водопад.

– Нет, – вдыхаю запах Джеймса с отворота куртки и делаю вид, что мне интересно. Главное, чтобы он не заметил, что я, как наркоман, с наслаждением вдыхаю запах его вещи. – Расскажи.

– Водопад Малтнома возник специально, чтобы удовлетворить желание одной юной принцессы, – не поворачивая головы, Руис говорил тихо, словно рассказывая свою сокровенную тайну. – Которая искала хорошее уединенное место для купания, – темные глаза встречаются с моими.

Я сглатываю и как можно незаметней отодвигаю свой нос от отворота куртки. Черт. Он и впрямь страшно красив. Его темный завораживающий взгляд пугает, но одновременно притягивает. Сердце набирает обороты, когда он медленно подходит ближе ко мне. Внутри все съеживается и руки в карманах куртки отчаянно вцепились в ткань. На его лице невозможно что-либо прочесть, а в его глазах я бесстыдно тону, хватаясь за остатки своего разума. Но я хочу этого.

Я хочу этого поцелуя.

Да.

Я. Хочу.

...Меня предали, растоптали и бросили мои чувства в грязь, и теперь он женится. Я осталась наедине со своими проблемами. И когда в моей жизни появляется Джеймс

со своими темными, как ночь глазами, которые нагло разделяют меня, понимаю, что я еще существую. Я еще жива. Я еще могу быть красивой и желанной. Джеймс, который все время прячет что-то в глубине своей души, показывает мне, что я осталась все той же девушкой с длинными белокурыми волосами, которая хочет внимания и нежности.

Я вижу, что нравлюсь ему. И он нравится мне. И я готова стереть все, что было раньше до него, чтобы забыть боль, засевавшую внутри. Боль от расставания с Сэмом.

Я стою, не смея дышать. Джеймс пронзительно и слишком долго смотрит мне в глаза. Мои мысли о нем, о его взгляде, об идеально очерченных губах разрывают меня изнутри.

– Джесс, ты должна только одно знать, – его тихий голос заставляет насторожиться. – Я очень благодарен тебе за то, что ты взяла этот заказ. – На секунду он закрывает глаза, – если не ты... я не знаю что было бы, – я не понимаю о чем он, но серьезный взгляд спускает меня с небес на землю.

– Ты мне нравишься Джесс, ты красивая, талантливая девушка, – он переводит дыхание. – А такие, как я... таких девушек направляют на не слишком хороший путь.

В его глазах сожаление, а я продолжаю тарашиться на него, не понимая до конца смысл слов.

– Хотя бы попробуй, – в отчаянии шепчу я, цепляясь за остатки надежды, и понимаю, что образ голубых глаз бывшего будет преследовать меня до конца дней.

– Я не могу Джесс... – он подходит еще ближе, так, что

я чувствую его дыхание, закрывает глаза, и я еле разбираю его слова. – Не могу.

Единственный мужчина, которому я понравилась впервые за полгода, и тот хочет сбежать от меня. Что со мной не так? Моя самооценка неизбежно падает вниз с горы водопада Малтномы, ударяясь о ледяную воду, и тут же испаряется в воздухе.

– Пожалуйста, – умоляю его. И неожиданно холод, которого я до этого момента не замечала, обрушивается на меня.

– Боже... – выдыхает Джеймс, отходит на пару шагов от меня, закрывает глаза и трет переносицу.

Видно, что он прилагает невероятные усилия, борясь с собственными мыслями, которые, как мне кажется, съедают его изнутри. Я дрожу от холода, и вместе с теплом из меня уходит надежда на то, что у нас что-то могло получиться. Я буду до конца жизни одна в четырех стенах квартиры.

Джеймс запрокидывает голову и долго смотрит на водопад. Неимоверно красивый в своем черном свитере, погруженный глубоко в себя, он трет подбородок указательным пальцем. Ветер играет с его черными волосами. Я признаюсь себе, что все эти дни, убеждая себя в том, что у нас ничего с Джеймсом и быть не может, я еще больше запускала в душу его черные глаза.

– Не могу я, Джесс, веришь? – он ищет в моих глазах понимания, которого там нет. Острые скулы Джеймса напрягаются, – из-за того, что ты так смотришь на меня, мне легче

не становится.

Он смотрит на меня, засунув руки в карманы джинсов, пытаюсь уловить мое сожаление, сострадание, которые так отчетливо читались на его лице.

Я продолжала стоять. Мне казалось, что я прекрасно прячу все эмоции на лице. Как я могла так нелепо допустить ошибку перед ним? В который раз?

И неожиданно, в один момент, в голове все перевернулось. Как я могла вообще допустить мысль, что он мне нравится и, тем более о том, что у нас что-то получится? Полная дура! Идиотка! Ему же все равно!

Изначально он дал мне понять, что у нас чисто деловые отношения, и я это принимала, но нет! Надо было же ему сделать мне подарок в благодарность за заказ. Да еще какой подарок?! Моя детская мечта. Почему Малтнома? Почему это не дешевое кафе с горьким кофе и хот-догами? Сейчас бы я без лишних вопросов променяла водопад на забегаловку, чтобы не стоять здесь перед ним, стгорая от стыда, от своих чувств и эмоций.

Я не могу здесь оставаться. Ни секунды не выдержу. Иначе, как это было с Сэмом, я дам слабинку, из-за чего возненавижу себя еще больше.

Я рывком расстегиваю молнию, и пихнув его в грудь, отдаю ему куртку, расставаясь с теплом. Холод моментально забирается под тоненькую толстовку, и кожа покрывается мурашками. Он ошарашено смотрит на меня, а я, не задер-

живая на нем взгляд, разворачиваюсь, и иду, широко шагая, вниз по деревянной лестнице с Малтномы. Подальше от этих черных глаз. От черных волос, свитера и дурманившего запаха. Хочу забыть те чувства, которые на миллисекунду позволила себе почувствовать. Какая же я идиотка! Ненавижу себя! Его! Всех!

Нога спотыкается о другую, я скольжу по мокрой от сырости дорожке, и съезжаю, как по горке, на несколько ступенек вниз. Черт! Поднимаю голову и вижу вдалеке черный неподвижный силуэт. Резко встаю на ноги и иду так же, как шла, сжимая кулаки от боли. Теперь я никому не покажу, что мне больно. Никому.

Глава 5

По пути к каменному гостиничному комплексу я набираю номер такси, и мне говорят, что машина недалеко. Продав минут пять, я продрогла до костей. Наконец такси подъезжает, и я сажусь в холодную машину. Уткнувшись лбом в окно, думаю, как ни странно, о Джеймсе – перед глазами предательски встает последний его взгляд. Удивленный, даже испуганный. Он не пытался задержать меня, значит, и правда он не хочет, чтобы наши деловые отношения перешли в нечто большее.

Почему всегда так происходит? Ты пускаешь в свое сердце человека, открываешься ему, а он толкает тебя обратно в твою собственную трясику закомплексованности и неуверенности. Ведь он читал меня как открытую книгу. Как можно только по одному взгляду понять, что три работы на выставке и вправду посвящены Сэму? Как?!

Я зажмуриваю глаза и убираю видения. Больше его в моей жизни не будет.

Открываю дверь в квартиру и обнаруживаю, что Бонни еще нет. С облегчением вздыхаю, понимая, что допрос с пристрастием мне сейчас совершенно ни к чему. Пнув кроссовки куда-то, открываю холодильник. К огромной радости обнаруживаю бутылку вина, которую держала для празднова-

ния поступления сестры в колледж. Но именно сейчас алкоголь мне куда нужней. Отыскиваю штопор в кухонном шкафчике, разом вытаскиваю пробку и большими глотками пью из горла бутылки. Кислое. Невкусная жидкость стекает внутрь меня, оставляя после себя тепло.

Иду в студию, в мое творческое убежище, в мой мир, где могу спрятаться ото всех, а мне сейчас так это нужно. Включаю свет и отпиваю еще вина, из-за чего голова начинает кружиться.

Работа, которую я писала утром, уже не кажется такой красивой. Я подхожу и проверяю масло. Еще не высохло. Беру из банки кисточки и кидаю на палитру. Сейчас напишем так, как я хочу. Выдавливаю черный тюбик масла на палитру, беру в руки все кисти и размазываю по всей палитре, по всем заготовленным для работы краскам. Все! Больше не будет цветных красок! Только черный. Делаю два больших глотка и ставлю рядом с палитрой бутылку.

– Посмотрим, Руис, как ты запоешь, когда я тебе это отдам, – и тыкаю всеми кистями в работу. Кисти оставляют жирный черный след.

Размазываю кисти из стороны в сторону по холсту и кидаю их на пол.

– Сволочь! – следом швыряю испорченную работу на пол, потом туда же летит палитра, все тюбики с маслом, все кисточки – все, что попадает под руки, разлетается в стороны.

Хватаю бутылку и отчаянно пью кислое вино, которое перестает иметь какой-либо вкус. Пытаюсь убрать мысли о моем ничтожном существовании. Замахиваюсь и с силой швыряю бутылку в стену, да так, что та разлетается вдребезги. Сажусь на измазанный краской пол и слезы, которые я сдерживала весь вечер, все шесть месяцев с момента расставания с Сэмом, наконец-то вырываются наружу. Горькие. Горячие. Они капают в цветные пятна на полу, разбавляя краску. Я вытираю их, черной от краски, рукой и мне настолько наплевать на окружающий мир и на саму себя, что от отчаяния и безысходности я начинаю кричать на всю студию.

Я всегда чувствовала здесь укрытие, а сегодня я его бесследно осквернила. Живопись делала меня лучше. Но не сегодня. Сегодня у меня ничего нет. Ни желания. Ни вдохновения. Ничего.

Что этот сукин сын сделал со мной за один день?!

Слезы хлынули еще больше. Я отчаянно пыталась их вытереть грязными руками. Волосы лезут в глаза, в рот, дико хочется обстричь их, наконец, прямо сейчас! Убираю волосы назад, замечая, как они сильно пачкаются в черной краске.

Рыдая навзрыд на всю студию, я легла на разноцветный пол, уставившись на белый поток.

– О, Господи, Джесси!

На голос сестры я не реагирую, и на то, как она обеспокоенно смотрит на меня сверху вниз, тоже.

Она тут же садится на пол, пачкаясь в масляной краске,

приподнимает мою голову и кладет к себе на колени.

– Ш-ш-ш... – сестра гладит меня по голове и в ее голубых глазах столько беспокойства, что я не выдерживаю и захлебываюсь новой волной соленых слез. – Что? Что произошло?

Я не могу. Не могу, как и он, рассказать то, чего не знаю. Я не знаю, что произошло.

Я не люблю его. Я не люблю Сэма. Я никого не люблю. Так почему же так больно?

– Я не знаю... – шепот перемешивается с всхлипами. – Я. Ничего. Не. Знаю.

Наутро открываю глаза и обещаю себе, что больше никогда в жизни не буду пить. Голова до сих пор немного кружилась, когда я встала с дивана. Бонни нигде не было. Бреду к холодильнику, чтобы чем-нибудь холодненьким унять головную боль. Достая минеральную воду, лед, делаю «напиток помощи от похмелья» и сажусь на барный табурет.

Вдруг слышу чьи-то голоса в коридоре, но плохо разбираю.

– ...Где она?

– Там, но она спит.

Слышатся громкие шаги, и из-за угла выходит Сэм. Он обеспокоенно смотрит, как я, приложив стакан ко лбу, просто умираю от головной боли.

– Привет, – он проходит и садится напротив.

– Угу, – я не в состоянии разговаривать по душам, тем

более с ним. Хочу, чтобы все оставили меня в покое.

– Ты уже встала? – Бонни выглядывает из-за парня и смотрит на меня, потом на Сэма, потом опять на меня. – Ладно, мне надо в колледж, ребят, – и хитро улыбается, так как умеет только она.

– У тебя же нет ничего сегодня, – говорю я.

– Есть, мне там... кое-что забрать нужно, – Бонни быстро хватает свою сумку и слишком быстро уходит из квартиры.

Понятно. Отговорку придумать не смогла, а уйти из дома надо было. Я ее не виню. Не в настроении разговаривать насчет того, что произошло вчера. Ведь именно она меня застала в таком состоянии.

Сэм продолжал на меня обеспокоенно смотреть, и это начинало бесить. Отпиваю ледяной воды, мне становится немного лучше.

– Поговорить не хочешь, Джесс? – голубые глаза старались заглянуть в мои, но кубики льда в моем стакане были куда интереснее.

– О чем Сэм? И я просила меня так не называть, – стараюсь максимально показать мое внутреннее состояние на лице – полное безразличие.

– Ты же знаешь, что всегда можешь со мной поговорить, – его рука тянется к моему стакану, и я тут же убираю руку со столешницы.

Тут ты сильно ошибаешься, Сэм. С тобой я точно говорить не стану. Даже если ты будешь последним человеком

на земле. Но вслух ничего не произношу.

– Бонни считает, что это из-за меня случился этот срыв, – в глазах столько сожаления, сколько было вчера у Джеймса, из-за чего по телу пробегает холодная дрожь. – Говорит, что еще не оправилась от расставания, от того, что скоро я же- нюсь...

– Хватит! – я поднимаю ладонь вверх, давая знак замол- чать.

– Ты можешь поговорить со мной, Джесс, – не понимаете Сэм. – Если это насчет того неприятного типа мистера Руиса. Куда он, кстати, тебя увез тогда с выставки?

– Что? – допроса с пристрастием мне не избежать, – Мы говорили насчет работы, и обсуждать я с тобой этого не ста- ну.

– Твое право, но он какой-то скрытный тип, тебе не пока- залось?

Я допиваю холодную воду и хочу закончить этот неприят- ный разговор.

– Сэм, было приятно с тобой поговорить, но мне нужно работать, ты же знаешь, что работы у меня прибавилось.

– Что ты делала вчера на Малтнومه? – в голосе послыша- лись недовольные нотки, отчего мои глаза округлились. Как? Откуда? – Я видел вас вчера.

Сэм следит за мной? Я выпрямила спину и окинула парня подозрительным взглядом.

– Ничего не подумай плохого, – он пожал плечами, – Я

за тобой не слежу, Кассандра работает в гостиничном комплексе недалеко от водопада.

Кассандра? Что за Кассандра? Словно прочитав мои мысли, Сэм пояснил:

– Моя будущая жена – Кассандра.

А, ну да, конечно.

– Я ехал вчера забирать ее с работы, – он продолжал говорить, не дожидаясь моего ответа, – и увидел тебя, спускающуюся с водопада. Я припарковался, думал подойти, но такси быстро приехало и, как мне показалось, ты была не в лучшем расположении духа. – Слушаю Сэма, и мне становится не по себе от его слов. – Я не выходил из машины, ждал Кассандру, пока она придет и увидел этого Руиса на нижнем ярусе Малтномы. Он недолго простоял там и тоже спустился вниз. Как я понял, пошел к своей машине, черному мерсу, правильно?

Я киваю головой, чувствуя, что вот-вот и что-то узнаю о скрытном Джеймсе.

– Он кому-то позвонил и прямо тут же приехал такой же черный мерс. Из него вышел какой-то лысый тип, они о чем-то поговорили и он передал этому Руису белый конверт. – Сэм выдохнул, – там определенно были наркотики, Джесс. Он ими торгует и хочет тебя туда втянуть.

Из меня вырывается нервный смешок. Я перевариваю информацию, не понимая, полезная она для меня или нет. Дело тут определенно не в наркотиках, тут что-то глубже, но что

я понять не могу.

– Описать сможешь этого мужчину, который был с ним?

– Подозрительный мужик, лица я его не разглядел, но он сильно сутулился, – Сэм внимательно смотрит на меня. – Будешь искать его?

Я поджимаю губы и ничего не отвечаю.

– Я могу помочь? – спрашивает он и в глазах столько надежды, словно уверен, что я соглашусь на его помощь.

– Нет, Сэм, – отрезаю я, – Занимайся лучше своей невестой и подготовкой к свадьбе, а меня оставь в покое. Даже не знаю благодарить тебя или нет за то, что ты сейчас мне рассказал.

– Я просто предупредил, – он пожимает плечами и делает безразличный вид.

– Сэм, мне, правда, нужно работать.

Мне нужно время, чтобы переварить информацию о Джеймсе и подумать над тем, что же он все-таки скрывает. Нужно время побыть одной.

К моему счастью, Сэм не задает лишних вопросов, и, попрощавшись, я закрываю за ним дверь.

Мне нужно время, чтобы расставить все мысли по полочкам в моей и без того забитой глупостями голове. Иду в студию, захватив с собой минералку со льдом. От увиденного впадаю в «легкий» шок. Везде краска, все мои эскизы и заготовки можно смело отправлять на помойку. Сломалась пара

любимых кисточек, и треснул подрамник для холста, но в таких случаях у меня есть в запасе еще. Аккуратно переворачиваю незавершенную работу. Черные, жирные мазки прилипли точно по светлым местам картины. Их можно было бы исправить, пришлось бы они на темные места, а сейчас придется ждать дня три и накладывать еще слой масла. Исправить можно, но нужно время, которого у меня нет.

Собираю эскизы с пола, некоторые выкидываю сразу, кладу испорченный холст на стол, пусть там сохнет, пока буду заниматься другими работами. Все заготовки на палитре, конечно, бесследно исчезли, превратившись в разноцветную гамму красок.

Пропитываю тряпку в растворе, стараюсь оттереть краску с пола и рабочего стола. Убираю осколки бутылки, и когда студия обретает божеский вид, иду проверять почту от Софии. Нужно приступить к следующему заказу.

Пришло сообщение от Сары, которая хочет продлить со мной контракт на услуги персонального агента и сообщает о том, что после того, как я покинула выставку, были куплены еще три работы. Сара выслала фотографии этих работ, и по спине пробежал неприятный холодок. Маяк, портрет и брызги на стене. Купил их Джеймс Руис.

Значит, когда мы ехали в ресторан эти работы уже были куплены? И он нагло издевался надо мной своим раздевающим взглядом черных глаз?

Я быстро печатаю ответ Саре, сообщая, что контракт про-

длен, и я завтра загляну на выставку. Откидываюсь на спинку компьютерного кресла, думая отдохнуть, но мысли, которые я так старательно расставляла по полочкам в голове, снова обрушились на меня непонятной лавиной вопросов.

Если работы были куплены сразу после того, как мы уехали в «Золотой лес», зачем нужно было устраивать этот откровенный фарс? Он что-то не договаривает. Не зря же его взбесило то, кому посвящены картины на самом деле. Я устала от недопонимания и вопросов. Сделаю заказ и вычеркну этого человека из моей жизни. В который раз.

На второй фотографии был изображен солнечный день. Зеленый утес на берегу моря, усыпанный разноцветными цветущими травами. Вода ближе к земле была ярко-зеленой, переходя возле горизонта в глубокий бирюзовый цвет. Ярко-голубое небо с пушистыми облаками придавали целостность картине. На утесе стояли две девушки в длинных платьях. У одной из них был оранжевый зонтик, который смотрелся, как центр композиции всей работы.

Такое чувство, что я где-то видела эту фотографию, в глубоком детстве, но память окончательно стерла о ней воспоминания. Либо это опять мои тараканы в голове веселятся и подозревают всех подряд. Отгоняю эти надоедливые мысли и направляюсь в студию, делать наброски с фотографии.

Весь день я провела в студии, даже выключила телефон, чтобы полностью уйти в работу. После вчерашнего срыва

придется пару-тройку дней работать по ночам, чтобы закончить все вовремя, и я это сделаю. Настрой у меня решительный. Сделать. Вычеркнуть. Забыть.

Запах меда уносит далеко за пределы квартиры и Портленда. Я будто сама стою на этом утесе, а теплый морской ветер играет с моими волосами. Девушки в длинных платьях машут мне рукой и зовут к себе. Я бегу к ним, и мы безудержно смеемся, забывая обо всех проблемах. Смотрю на глубокие воды океана, который вместе с волнами уносит все мои переживания. Мне становится настолько легко в душе, что хочется расплакаться от счастья. Насколько сильно меняет живопись, особенный мир художника, в котором тот живет.

Вместе с пришедшим вдохновением быстрее идет и работа. К позднему вечеру я закончила полностью тени и начала работать со светом. Выдавливаю желтый, красный и индиго. Смешиваю краски по очереди, потом все вместе, потом беру их отдельно. Делаю два-три мазка и смотрю, как получился цвет. Чуть светлее? Добавляю желтого, и снова пробую цвет. То, что надо. Делаю продолговатые мазки на утесе, и тот сразу же начинает светиться жизнью, от красок.

– Вижу, что ты снова взялась за кисть, – голос сестры оторвал от блуждания по собственному миру, но головы я так и не повернула.

– Ага, – мой голос звучит тверже, чем вчера.

– Я рада, что тебе лучше, – ее шаги становились все ближе

и вот уже она стоит рядом со мной, внимательно наблюдая за моими действиями.

Не люблю, когда смотрят, как я работаю. Даже Бонни. Люблю писать исключительно наедине с собой. Сестре ничего не говорю, а концентрируюсь на том, какой цвет я хотела взять.

– Может быть, поговорим, Джесси? – тревожный голос сестры заставляет меня посмотреть на нее. – Ты меня вчера здорово напугала, что произошло?

– Не хочу об этом, Бон, – я возвращаюсь к заказу.

– Это из-за Сэма? – не успокаивалась сестра. – Полгода же прошло... я думала, что ты давно пережила расставание.

– Бонни, – я выдыхаю и закатываю глаза. – Он здесь абсолютно не причем.

– Тогда кто? Этот загадочный мистер Руис? – она складывает руки на груди и недовольно смотрит на меня, требуя объяснений.

О, нет. Нужно спасти ситуацию. Избегая разговора и пристального взгляда Бонни, я собираю все рабочие кисти и иду к раковине, которая стоит в углу студии.

– Не хочешь мне говорить? – сестра следует за мной. – Даже обидно, Джесси.

– Не о чем говорить, понятно? – я отвечаю слишком резко, но тут же делаю голос спокойнее. – Пойми, у нас чисто деловые отношения, а вчерашнее поведение я могу тебе объяснить, как срыв, который копился со времени расставания

с Сэмом.

Врать нехорошо, но я не могу по-другому. Пока не могу.

– Ты разговаривала с ним сегодня?

– Да, – я с силой оттираю ладони от краски под горячей водой, стараясь не выдать того, что дело совершенно не в Сэме.

– И?

– И ничего, Бон, – я зло смотрю на нее. – Я же говорила тысячу раз: мы расстались, и то, что ты привела его, было ошибкой. – Я делаю паузу и говорю правду сестре, – мне только больней от этого всего, я и так пытаюсь все это забыть.

– Ох, прости Джесси! – Бонни кидается обнимать меня. – Я не знала, что ты до сих пор, так остро переживаешь это расставание. – Я обнимаю ее в ответ и мысленно бью себя по щекам за вранье.

Глава 6

Сначала довел до нервного срыва, сейчас заставляет врать родной сестре, мне определенно нужно как можно скорее оборвать все связи с Джеймсом Руисом.

Я ничего не отвечаю на ее заключение о срыве и увожу тему в другую сторону.

– Так к кому ты на самом деле ходила? – снимаю фартук и вместе с Бонни выхожу из студии. Я сегодня неплохо поработала, можно немного отдохнуть.

– Джесси, ты не представляешь, с кем я познакомилась на вечеринке для первокурсников! – она так радостно реагирует, что заставляет меня насторожиться.

– И кто он?

– Он? Он просто обалденный! Его зовут Джейк, и если бы ты его увидела, ты бы точно в него влюбилась, – сестра падает на диван и закрывает глаза, предаваясь воспоминаниям.

– Это вряд ли, – я достаю из шкафа постельное белье и кладу его на диван.

– Он такой накачанный, думаю, он в футбольной команде, – сестра поднимается с дивана и помогает застелить. – А улыбка – просто сногшибательная!

– Мне он уже не нравится.

– Ну ты и зануда, Джесси!

– Я понимаю, – парни, колледж, первый курс, все дела,

но давай договоримся – ты не пропускаешь занятия из-за парней, учеба у тебя на первом месте. Всегда. Я за это тебе покупаю машину, о'кей? – строго произношу я, глядя в её хитрые глаза. Я знаю, от моего условия сестра точно не сможет отказаться.

Сестра настолько удивилась, что приоткрыла рот и шепотом проговорила:

– Ты серьезно?

– Серьезней некуда, – пожимаю плечами и делаю контрольный выстрел. – Хоть завтра едем покупать. Нужно же тебе как-то добираться до колледжа, – я улыбаюсь и чуть ли не валюсь с ног, когда сестра запрыгивает на меня и сильно обнимает.

– Я так тебя люблю, Джесси! – она обнимает еще крепче. – Так люблю!

– Я тоже, – стараюсь удержать сестру, – но если ты не слезешь с меня, покупать машину тебе будет некому.

Она смеется и слезает с меня. Мы готовимся ко сну и, пока сестра в ванной, проверяю почту на ноутбуке. Телефон так и не включаю.

Сара ответила на мое сообщение и сказала, что будет меня завтра ждать на выставке с утра. Я пишу в ответ «До встречи!» и внезапно в списках сообщений вижу незнакомый адрес. Открываю письмо и замираю.

Почему не отвечаешь на звонки? Нам нужно поговорить.

Такое чувство, что он стоит сзади и прожигает спину своим злым взглядом. Его черные глаза и ямочки на щеках, ментально встают перед глазами, и учащается дыхание.

Неожиданно входит Бонни и я машинально захлопываю крышку ноутбука. Не хватало, чтобы она застала меня в таком взбудораженном состоянии, в то время, когда я сама предложила ей обменять встречи с парнями на машину.

– Ты чего? – она пристально смотрит на меня.

– Ничего, – изо всех сил делаю равнодушный вид.

– Ну-ну, – Бонни прищуривает глаза, ложится на диван и отворачивается к стене.

Вот черт. Нужно быть внимательней и не забывать, что я теперь живу не одна. Забираюсь на диван и мысленно хвалю себя за то, что не ответила на его сообщение. Он явно будет в бешенстве. Я засыпаю с самодовольной улыбкой на лице.

С утра Бонни убегает в колледж и, договорившись с ней о покупке машины на вечер, иду переодеваться на выставку. Сегодня на удивление солнечная погода для начала осени и я решаю надеть голубое платье без рукавов. Распускаю волосы, обновляю пастельные тени и, закончив с макияжем, остаюсь довольна собой. Столбик самооценки из минуса понемногу движется к нулю. Застегиваю бежевые босоножки на платформе, беру небольшую сумку в тон к обуви и выхожу из квартиры.

– Приехали, – говорит таксист и я расплачиваюсь с ним крупной купюрой.

– Сдачи не надо, – бросаю небрежно и выхожу из машины.

– Ого! Спасибо, мисс! – благодарит счастливый водитель и улыбнувшись на прощание ему, закрываю дверь.

Не стоит. Намного легче жить, когда у тебя есть деньги. Ты можешь себе позволить чуточку больше.

Бежевое здание «Blue Sky Gallery» казалось пустым без толпы людей здесь. На этот раз захожу через центральный вход и сразу же, на входе, замечаю большой баннер с рекламой о моей выставке. Мое фото на баннере слишком давнее, но милое. Улыбающаяся, с еще короткими волосами, я стояла в зеленом платье, призывая гостей зайти на выставку и окунуться в мир искусства.

Возле баннера стояла Сара и что-то рассматривала в рекламе. Ее светлые волосы были так же, как и на открытии, затянуты в симпатичный хвостик. Она была в джинсах и блузке.

– Привет, – я улыбаюсь девушке, оказавшись с ней рядом.

– Ой, здравствуйте, Джессика, – она полностью переключила внимание с баннера на меня. – А я вас и не заметила.

– Ничего, – отмахиваюсь я и показываю на рекламу. – Вижу, ты славно потрудилась. Где ты взяла эту фотографию?

– У вас на страничке в фэйсбуке, – она поджимает губы. – Не стоило?

– Почему, нет, все в порядке. Мне все нравится. – Мы улыбаемся друг другу и проходим в выставочный зал.

К моему удивлению, зал был заполнен людьми, но их было, к сожалению, меньше, чем на открытии, но они были! Мы проходим к столу, Сара включает компьютер. Я сажусь рядом с ней и достаю из сумочки подготовленный конверт с деньгами.

– Здесь за все четыре дня, – девушка берет конверт и мельком заглядывает в него. – Четыре тысячи. – Отвечаю на удивленный взгляд. – Ты это заслужила. Продать тринадцать работ в первый же день – это дорогого стоит.

– Спасибо, – Сара смущенно улыбается и переключается на экран компьютера. – Я хотела показать вам график посещений за эти дни.

– Не нужно, – меня интересовало другое. – Скажи лучше, сколько работ было продано?

Девушка опускает глаза.

– Четыре, Джессика.

– Всего четыре? – я переспрашиваю. – Ты имеешь в виду четыре работы в день?

– Нет, – она перешла на шепот. – Одна работа в день за четыре дня.

Я откидываюсь на спинку стула, не понимая, почему так сильно упали продажи картин. Нервно поправляю волосы и окидываю девушку пронизывающим взглядом. Конечно, она не виновата, но на данный момент, Сара попадает в зону

моего непонимания.

– Клянусь Джессика! – она сцепляет руки в замок, – Я не знаю что произошло. На следующий день после открытия было достаточно много людей, но почему-то никто не хотел брать картины.

Сара разводит руками, на лице у неё раскаяние, но потом она воодушевляется новостью.

– Зато у вас теперь есть личный *защитник* ваших картин. – Я непонимающе смотрю на нее. – Он уже четвертый раз подряд приходит и, какой бы местный критик ни заходил на выставку, он полностью отстаивает ваши интересы.

– Что значит – отстаивает мои интересы?

– Мистер Бейн прилетел из Нью-Йорка. Я слышала о том, что он защищает права начинающих художников. Я говорила с ним, очень приятный мужчина. Может о каждой вашей работе рассказать столько, что сразу понятно – он настоящий профессионал своего дела. Он, кстати, здесь, пойдете я вас познакомлю. – Сара кивает головой в сторону зала.

Девушка говорит искренне и мне льстит, что у меня появились единомышленники по поводу моего искусства.

Мы пересекаем почти весь зал. Возле очередной моей работы стоит Николас Голдмен, который как всегда сильно жестикулирует и ругается, а рядом стоит взрослый мужчина лет пятидесяти. Он стоит спокойно, что-то пытаюсь объяснить мистеру Голдмену. Светлые волосы, не слишком длинные. Морщины на лице мужчины, как я понимаю, мистера Бей-

на, настолько ярко выражены, что я отмечаю сразу – работа у человека не легкая. Бейн одет в темную рубашку и темные брюки, а вот мистер Голдмен в джинсах и майке, абсолютно соответствуя местной моде Портленда.

Видно сразу, что мистер Бейн не местный. Он из тех кругов, где обитают высшие слои общества. Держит спину прямо, на восклицания критика реагирует крайне спокойно, и когда мы с Сарой приближаемся к ним, немного манерно целует мне запястье, склоняясь, как истинный джентльмен.

– Очень приятно с вами познакомиться, мисс Уильямс.

Зеленые глаза смотрят на меня заинтересованно, а добрая улыбка мужчины заставляет немного расслабиться. Если человек летел из самого Нью-Йорка и говорит, что разбирается в искусстве, остается только проверить. Насколько сильно.

– Вот и вы, мисс Уильямс! – Николас Голдмен слишком эмоционально реагирует на мое появление. – А я как раз объясняю уважаемому мистеру Бейну, что в наше время искусство все дальше и дальше отдалается от реальности, – он смотрит на не местного эксперта с враждой. – Он же, напротив, считает, что большим спросом пользуются те работы, которые приближены к реальности, что абсолютно неверно! – мистер Голдмен взмахивает рукой в знак протеста, и я решаю перевести разговор в другую сторону, но меня опережает эксперт.

– Дорогой Николас, с тобой можно вечно дискуссировать на эту тему, но прошу меня извинить, я бы хотел уделить

внимание хозяйке выставке.

– Для этого есть фотографии! – словно не слыша, продолжает стоять на своем критик. – Если людям хочется реальности, то пусть покупают фотографии, а не ходят на выставки! Разве я не прав, мисс Уильямс? Я считаю, что искусство – отдельный мир со своими взглядами, или я ошибаюсь? – мистер Голдмен смотрит на меня внимательно и чуть заметно усмехается.

Я не успеваю открыть рот, как меня крепко берет под руку мистер Бейн и легонько толкает в сторону от перевозбужденного мистера Голдмена.

– Мы с вами еще поговорим, Николас! – через плечо кидает эксперт.

– Запомните мои слова, мисс Уильямс! Никому не нужна реальность! – кидает нам вслед мистер Голдмен.

От его слов мне становится неудобно, хотя я даже рта не раскрывала. Мы останавливаемся возле одного из моих пейзажей, и я подбадриваю себя перед интересным разговором с экспертом.

Сара, без слов понимая меня, молча удаляется к своему столу и начинает что-то искать в компьютере, не поднимая головы. Правильно, пусть выявит причину, почему так резко упали продажи картин.

– Соответствующе выглядите, мисс Уильямс, – слова эксперта заставляют поднять взгляд и заглянуть в его зеленые глаза.

– Не поняла вас? Чему соответствующе?

– Вашим картинам, – он делает небольшую дугу рукой, показывая на мои работы. – Они полностью отражают вас, разве не видно? Вы такая же открытая и светлая как они, признаться, я такой вас и представлял себе.

– Благодарю, мистер Бейн, за вашу весьма странную оценку.

– Прошу прощения, – он протягивает руку. – Сантьяго Бейн, я представляю музей «Метрополитен¹» в Нью-Йорке.

Я не верю своим ушам и удивленно смотрю на солидного мужчину.

Музей искусств «Метрополитен» обладает знаменитейшими произведениями живописи и скульптуры в мире. Гордостью музея является картинная галерея. Среди блистательных шедевров живописи картины Рубенса, Моне, Ренуара, Ван Гога. Каждый год проводится «Ежегодный отчет», в котором перечисляются новые приобретения.

Я стараюсь держать себя в руках и делаю медленный вдох.

– Звучит вдохновляюще, – отвечаю ему и после дежурной улыбки жмем друг другу руки.

– Я надеюсь на это, мисс Уильямс, вдохновение ваше весьма ценно, – он вглядывается в работу, где изображен мой родной дом в Ванкувере. – Вы в курсе, что у вас *рука Моне*?

¹ Метрополитен-музей (от англ. «The Metropolitan Museum of Art») – один из крупнейших и четвертый по посещаемости художественный музей мира. Расположен в Нью-Йорке, США. Музей существует на средства спонсоров и дарителей при небольшой государственной поддержке.

– *Рука Моне?*

– Да, именно, *рука Моне*. У вас стиль письма крайне похож, – Сантьяго прищуривается. – Да, определенно, и даже техника приближена к его стилю, поразительно!

Я непонимающе смотрю на него.

– Но я никогда не старалась быть на кого-то похожей. Да, Моне мне нравится, но я считаю, что у меня своя техника работы.

– Я не хотел вас обидеть мисс Уильямс, ни в коем случае, – в глазах эксперта я вижу сожаление и расслабляюсь.

Не люблю, когда меня с кем-то сравнивают. Я есть я. Хочется, чтобы именно частичка меня была в моих работах, а не другого человека.

– На данный момент в Лос-Анджелесе в музее Гетти², проводится выставка некоторых произведений из «Метрополитена» и я хотел бы лично пригласить вас, – мистер Бейн улыбается. – Поскольку музей заинтересовался вашими работами, мисс Уильямс, точнее вашей техникой, мы хотели бы вас видеть на следующей неделе.

От услышанной новости я замираю, и, не мигая, смотрю на Сантьяго Бейна, понемногу до меня доходит, какой шанс мне выпал. Музей Пола Гетти самый популярный музей со-

² Музей Гетти (от англ. J. Paul Getty Museum) – самый крупный художественный музей Калифорнии и в целом на западном побережье США. С декабря 1997 года музей расположен в Лос-Анджелесе, в современном здании Центра Гетти, постройка которого обошлась в 1,2 млрд долларов (архитектор Ричард Мейер). Вход в музей бесплатный.

временного искусства города Лос-Анджелеса.

Черт. Я и так сильно просрочила с заказом Джеймса, а если улечу в Лос-Анджелес, точно ничего не успею. Но отказаться?

– Почту за честь, мистер Бейн, присутствовать на выставке.

– Рад слышать это. Будет небольшое награждение местных скульпторов и далее небольшой фуршет в честь праздника, поэтому советую вам выглядеть подобающе. – Он смеется и уточняет, – например, как сейчас.

Я тоже смеюсь и не могу поверить, что меня пригласили посмотреть произведения знаменитых художников, но где-то тут чувствую подвох. Интуитивно задаю следующий вопрос:

– Откуда вы узнали про меня? Я не такая известная личность среди художников, мистер Бейн.

– Сара предупреждала меня, что вы склонны всех подозревать в заговорах, – эксперт смотрит по-доброму, будто он мой старый приятель, который знает меня уже давно. – Но уверяю вас, только благодаря вашему агенту, который постарался распространить рекламу о вашей выставке, я узнал о вас. Да-да, благодаря Саре. Видите, сколько людей у вас? Скажу вам, для начинающего художника это весьма и весьма неплохо.

– Спасибо. – Я чувствую себя неловко перед человеком, у которого опыта побольше, чем у меня.

– Ваш агент был весьма дружелюбен и дал ваш адрес электронной почты. Я сообщу вам, когда именно будет торжество.

– Благодарю вас, мистер Бейн, не могу передать словами, насколько я рада приглашению в музей Гетти.

– До скорой встречи, мисс Уильямс. – С этими словами Сантьяго берет меня за руку, легко прикасается губами к запястью и удаляется из выставочного зала.

Я продолжала осмысливать наш разговор, всматриваясь в холст. Наш дом в Ванкувере. Это обычный дом, такой же, как и все дома на нашей улице – одноэтажный, бежевый, почти белый. Наш задний двор. Зеленая лужайка, скамейка с небольшим навесом и качели с красными сидениями на цепи. Был солнечный день и на картине много света.

Мистер Бейн в самое яблочко попал, заметив, что картины светлые и открытые. Значит, я старалась не зря. И то, что меня пригласили на такое важное событие, пока не укладывается в голове. Я увижу знаменитых художников современности и более того, смогу поговорить с ними.

Но как я успею сделать заказ? Мой срок превратился в чуть больше недели, из-за поездки. Неизвестно еще, сколько пробуду в Лос-Анджелесе. Может попросить Джеймса, чтобы увеличил сроки? Нет, это бред – просить, поскольку он сам из четырех недель сделал три. И деньги ведь не вернешь, я уже обещала Бонни подарок.

Значит, не буду терять ни минуты.

Ни секунды!

Быстро достаю из сумки телефон и набираю номер сестры, бегу через зал и на прощание махаю рукой Саре, которая разговаривает с людьми. Она тоже машет в ответ, показывая, что сильно устала, а на другом конце провода уже ответили.

– Да ладно?! Ты летишь в Лос-Анджелес?! – восклицает сестра.

После четырех часов поиска подходящего автомобиля мы с сестрой забрали из салона последнюю спортивную модель «Лексуса». Пришлось взять недостающую сумму из отложенных денег, лишь бы не слышать рев Бонни возле машины. Были стандартные цвета, серебристый и черный. Сестра остановилась на черном, чем меня несказанно смутила.

Черный. Такой же, как у Джеймса.

Бонни сидела в солнцезащитных очках, с полным ртом жевательной резинки, за рулем своей новой машины, но, тем не менее, внимательно следила за дорогой. В этом отдам ей должное, водит она машину куда лучше, чем я. По пути домой рассказала о мистере Бейне и о нашем разговоре. Сестру эта новость удивила так же, как и меня.

– Он напишет перед торжеством, видимо хочет меня с кем-то познакомиться.

– Это же круто, Джесси! – она кидает на меня взгляд. – Думаешь, закончишь с заказом?

– Думаю да, – я пожимаю плечами, потому что понятия

не имею, закончу я или нет. – Должна, по крайней мере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.